

Я. Н. ЩАПОВ

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА И ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ К ВИЗАНТИЙСКОМУ НАСЛЕДИЮ НА РУСИ В СЕРЕДИНЕ XI В.

Похвальное слово великому князю Владимиру, произнесенное в Киеве в конце 40-х годов XI в., как принято считать в современной науке, Иларионом, вскоре ставшим киевским митрополитом, содержит интересное указание на большую законодательную деятельность этого князя.

Сравнивая заслуги Владимира с деятельностью «великого Константина», созвавшего Первый вселенский Никейский собор, Иларион дает такую яркую характеристику правотворчеству на Руси в начале XI в.: «Онъ [Константин] съ святыми отци Никеискааго събора законъ челоувѣкомъ полагааше; ты же [Василий — Владимир] съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто, съ многымъ съмѣреніемъ съвѣщаваашеся, како въ челоувѣцѣхъ сихъ, новопознавшіихъ господа, законъ уставити»¹. Эта формула сопоставления законоустановной деятельности двух великих христианских монархов — не художественный образ в речи придворного ритор, каких много в других разделах этой «Похвалы». Здесь в слове «сънимаяся» упоминается особая форма высшего государственного законодательного органа Древней Руси — сънѣмъ [снем, сним], хорошо известная по Повести временных лет, летописям XII—XIII вв. и Русской Правде. В. Т. Пашуто определил политическое значение этого совета как высшего органа власти феодалов, который рассматривал вопросы основного законодательства, а также распределения земель, войны и мира². Таким советом, состоящим из князя и епископов, выступает и снем в Похвале Илариона. Здесь говорится, что целью этих совещаний было установление новых законов для древнерусского общества, недавно ставшего христианским.

В чем заключались трудности такой деятельности, хорошо показывает другое известие о тех же совещаниях князя с епископами, содержащееся в Повести временных лет. После создания новой церковной организации, как указывает Повесть, под влиянием епископов Владимир пытался провести важную судебную реформу: отменить традиционный древнерусский (и варварский европейский вообще) принцип наказания за уголовные преступления крупными денежными штрафами (вирами), получивший от-

¹ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *«Slavia»*, t. 32. Praha, 1963, S. 167—168; L. Müller. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 117—118.

² В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. В кн.: «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 20—24.

ражение в Русской Правде, заменив их системой физических наказаний, которые были обычными в Византии и являлись модификацией норм Римской империи³. Однако эта реформа оказалась неприемлемой. Общественный строй Руси того времени не позволил лишить государственный бюджет тех значительных средств, которые давали виру. Восстановление «устройства отня и дедня», сделанное, как сообщает Повесть, по настоянию уже не только епископов, но и «старцев» — очевидно, представителей местной раннеклассовой знати (еще одного участника снемов), явилось капитуляцией новой церковной организации, стремившейся ввести некоторые основы византийского пенитенциального права, перед стойкими и экономически оправданными древнерусскими правовыми нормами. Вынужденное признание этих норм церковью делало возможным применение их не только в светском, княжеском суде, но и в церковном (о чем ниже).

Приведенные свидетельства позволяют пристальнее взглянуть в то, как на Руси после официального принятия христианства шел процесс приспособления христианских норм и принципов, признанных в Византии и принесенных на Русь греческими иерархами и книгами, к местным условиям и как в результате этого складывались новые древнерусские христианские нормы, отличные как от прежних языческих, так и от современных им христианских византийских.

Наряду с отмеченными особенностями древнерусского христианства в правовой области в нашем распоряжении находятся не менее показательные феномены раннего христианства на Руси в области религиозного догматизма, в частности — обряд крещения мертвых. Повесть временных лет под 6552 (1044) г. сообщает о крещении князем Ярославом костей его дядей Ярополка и Олега Святославичей, умерших язычниками еще до официального принятия Русью христианства⁴, и о перенесении их в Десятинную церковь⁵. Обряд крещения мертвых был известен у ранних христиан гностического толка в пору становления христианской догматики, неоднократно осужден в сочинениях Климента Александрийского (150—225), Иоанна Златоуста (ок. 347—407) и других и был официально запрещен на местном Карфагенском соборе 397 г., хотя и известен кое-где в западной церкви до начала VI в.⁶ Существование этого обряда на Руси в середине XI в. связано, очевидно, с тем, что в то время христианство на Руси, трансформированное под влиянием языческой религиозной философии, заново проходило некоторые стадии развития, аналогичные тем, которые на территории Восточной Римской империи были преодолены к V в.

По учению господствующей церкви, для спасения в загробной жизни, кроме крещения, необходима и вера⁷, но князь Ярослав этого второго условия спасения своим дядьям создать уже не мог. Конечно, такой важный акт, как крещение князей и перенесение их мощей, должно было быть сделано в Киеве каким-то главой местной церкви, а не случайным священником. Нужно согласиться поэтому с П. П. Соколовым, что акт 1044 г. мог иметь место только в то время, когда греческого митрополита в Киеве не было: «Трудно допустить, чтобы митрополит-грек не мог разъяснить

³ «Живяше же Володимиръ в страстѣ божьи. И умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?». . . Володимеръ же отвергъ виру, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимеръ: «Тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отня и дѣдню» [Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (далее: ПВЛ, I), стр. 86—87].

⁴ Первый в 980, второй в 977 г.

⁵ «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица» (ПВЛ, I, стр. 104).

⁶ E. Dinkler. Totentaufe. — «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. VI. Tübingen, 1962, Sp. 958.

⁷ «Иже веру имет и крестится, спасен будет» (Марк, XVI, 16).

благочестивому Ярославу недопустимость крещения покойников»⁸. Напомню, что правило Карфагенского собора, запретившего этот обряд, входило в состав Номоканона XIV титулов, известного в ряде греческих списков VII—XIII вв.⁹, и в славянский его перевод, сохранившийся в списках XII—XVI вв.¹⁰ Кроме того, осуждение этого обряда в трактате Епифания Кипрского о ересьях (правда, в столь темном переводе, что без греческого текста оно сейчас непонятно), также находится в этих древнерусских списках. Очевидно, обряд был исполнен в отсутствие греческого митрополита кем-то из древнерусских епископов, может быть, одним из ранних, не известных нам глав белгородской кафедры, при участии попов Десятинной церкви. Для всех них, как и для сообщающего об этом автора киевского летописного свода конца XI в., такое крещение было достаточно благочестивым, укрепляя основы христианства на Руси и авторитет самого Ярослава, имевшего отныне среди своих предков не только христиан-родителей и бабу-христианку, но и еще двух «христиан» — членов княжеской семьи-патронимии.

Середина XI в. — время государственной деятельности одного из интереснейших персонажей, не принадлежавшего, в отличие от других таких деятелей, к княжескому роду, — митрополита Илариона. К периоду, когда он занимал киевскую митрополичью кафедру, относится третье свидетельство о совместной правотворческой деятельности древнерусских высших светской и церковной властей, продолживших создание местной системы церковного права. Основы ее были оформлены в виде особого судебного кодекса — устава князя Ярослава о церковных судах.

Устав князя Ярослава сохранился в большом числе обработок, которые связаны археографической традицией, специальной местной терминологией и особенностями содержания с рядом земель феодально-раздробленной Руси XII—XIV вв.: Киевом, Западной Русью, Литовским великим княжеством, Новгородом, Москвой, Кирилловым монастырем и др. Текстологическому исследованию устава, наряду с изучением его денежного счета, терминологии, правового содержания и места среди других княжеских уставов, мною посвящена другая работа. Здесь я позволю себе кратко изложить некоторые ее результаты. Древнейший облик устава реконструируется по двум ранним его редакциям: Пространной (архетип — XII — первой половины XIII в., отдельные изводы — XIV—XV вв.) и Краткой (архетип — середины XIV в., изводы — конца XIV—XV в.). Это судебник, состоящий из вступительной, двух заключительных и 40 судебных статей, которые могут быть объединены по своему содержанию в несколько групп.

⁸ П. П. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, стр. 44—45. А. Поппе, напротив, думает, что в Константинополе так часто нарушали каноническое право и патриархи терпели эти нарушения, что указанное крещение костей в Киеве не может свидетельствовать об отсутствии там в это время митрополита (а следовательно, и о неучастии его в этом акте). См. А. Порре. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, str. 101—102. С этим, однако, трудно согласиться. Нарушения канонических норм брака и развода и соборных решений по политико-административным вопросам, как представляется, не могут сравниться с указанным отклонением в догматике, бывшим одним из положений еретических и преследуемых официальной церковью учений. Кроме того, отсутствие сведений о крещении мертвых в Византии позже V в. (см. об этом названную энциклопедическую статью Э. Динклера и указанную в ней литературу), как и известий о совершении его древнерусскими иерархами позднее, не позволяет считать, что византийская церковь интересующего нас времени терпимо относилась к этому обряду.

⁹ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905.

¹⁰ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 397; Я. Н. Шапов. О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 208—212.

Поскольку во вступительной статье («Се яз князь великий Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческий номоканун; аже не подобает сих тяжь судити князю, ни бояром, дал есмь митрополиту и епископом») далее в трех обработках устава следует различный текст, говорящий об объеме феодального иммунитета церкви ¹¹, а в четвертой он вообще отсутствует ¹², есть основания считать, что все эти тексты появились вместе с возникновением соответствующих изводов: «распусты» и «осмьничее» упомянуты в Пространной редакции, которая включила в себя большой комплекс статей о распустном праве; ссылка на «правила» и «номоканон» появилась в Краткой редакции, которая сама была включена в номоканон в XIV в.

Первая статья устава содержала лишь три пункта: Ярослав, во-первых, «съгадал с митрополитом Ларионом», во-вторых, «сложил греческий номоканон» и, в-третьих, дал митрополиту и епископам «си тяжи», которые подробно перечисляются ниже в уставе, поскольку их «не подобает судити» князю и боярам. Наиболее крупная группа в 25 статей о браках и взаимоотношениях между родственниками и свойственниками касается языческих форм брака, заключения и расторжения его с нарушением церковных правил, блуда между родственниками. Устав в древнейшем своем составе являлся, таким образом, в основном кодексом брачного и семейного права.

Кроме того, в устав входят статьи об оскорблении словом и острижении волос, о драках и избиениях, о скотоложестве. Особая группа из пяти статей о суде по делам церковного причта и монахов делает устав также кодексом ведомственного, внутрицерковного права. Ряд статей показывает соответствие норм архетипа устава Ярослава другим уставам XI—XII вв.: умыкание в уставах Владимира и Ярослава стоит на первом месте, как и «уволочение» в Смоленской уставной грамоте; пошибание есть в уставах Ярослава и Владимира, двоеженство — в уставе Ярослава и Смоленском уставе; распусты — во всех трех уставах, причем краткое упоминание их в уставе Владимира и Смоленской грамоте расшифровывается шестью статьями устава Ярослава; брак в близких степенях родства и суд по делам причта и монахов — во всех трех уставах.

Изучение древнего текста устава Ярослава показывает также, что этот памятник в своей основе современен Русской Правде. Оба судебника трактуют о своем круге дел, почти не вторгаясь в другой. Сравнение некоторых дублирующих статей — об оскорблении, повреждении бороды, поджоге (статья вставлена в устав Ярослава, очевидно, в XII в. и не на место), краже клетки и одежды — показывает, что нормы устава Ярослава ближе к Пространной Правде, чем к Краткой, а в Краткой — ближе к Правде Ярославичей третьей четверти XI в., чем к Древнейшей. Общие нормы устава и Правды появились в уставе во второй половине XI в. и в XII в., когда складывались соответствующие части и обработки Правды. Можно проследить соответствие норм устава и с внешнеторговыми договорами Руси, особенно с договором конца XII в. с Готским берегом.

Здесь важно не только хронологическое соответствие устава другим древнерусским памятникам второй половины XI—XII в., но и соответствие их правовых норм, в частности форм наказания — штрафов в пользу публичной власти, а также почти полное взаимоисключение сфер ведомственной юрисдикции по Правде и уставу.

С другой стороны, нормы устава, будучи, несомненно, христианскими и церковными, значительно отличаются от христианских церковных норм,

¹¹ Макарий. История русской церкви, т. I, изд. 2. СПб., 1868, стр. 273 (Основной изв. Пространной ред.); Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. 1, изд. 2. М., 1901, стр. 629 (Архивный изв. Пространной ред.); В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права. Пг., 1915, стр. 78 (Краткая ред.).

¹² Гос. Библиотека им. В. И. Ленина, собр. Овчинникова 154, л. 376 об.

которые были зафиксированы в греческих номоканонах и пользовались в VIII—X вв. распространением в Византии. Это, во-первых, отнесение в уставе исключительно к церковной юрисдикции поступков, которые по византийским нормам ей не принадлежали, а были подведомственны светской власти, хотя церковь налагала за них, в свою очередь, как за грехи, епитимью. Таковы поступки, которым посвящены основные статьи устава: похищения, изнасилования, разводы, рождение ребенка незамужней, прелюбодеяние, брак в близких степенях родства, двоеженство, скотоложество, оскорбление словом и действием, кражи. Это различие усиливалось тем, что церковь по уставу Ярослава должна была рассматривать дела, которые не известны ни церковной, ни светской юрисдикции в Византии, например ответственность родителей за невыдачу замуж дочери, за превышение власти при насильственной женитьбе детей, убийство во время свадебных игр и прочее.

Во-вторых, формы наказания, о которых уже говорилось: виры и продажи в денежном выражении в пользу митрополита, кроме возмещения потерпевшему. Византийская церковь не присуждала гражданских наказаний, и церковное наказание не сопровождалось гражданскими последствиями. Канонические правила предусматривали только церковно-дисциплинарные средства воздействия: увещания, епитимью, отлучение от церкви.

В-третьих, судебный иммунитет духовенства, монашества и лиц, зависимых от церкви, относительно светской власти, в частности, князя, провозглашенный в уставе. В Византии лица духовного звания, освободившиеся от светского суда, подлежали, однако, верховному суду императора.

Это своеобразное толкование, вернее, этот особый тип церковного права давно обратил на себя внимание исследователей. Еще К. А. Неволин, один из первых серьезных исследователей памятника, в недоумении спрашивал, «каким образом в недрах церкви, и притом получившей свое образование от церкви греческой, могла родиться мысль обложить преступление, предоставленное церковному суду, денежными пенями?»; он впервые обратил внимание на противоречие норм устава византийскому церковному праву. «Номоканону, правилам святых отец, — писал он, — совершенно неизвестны денежные взыскания с нарушителей церковных постановлений»¹³. На это же обратил внимание и историк русской церкви Е. Е. Голубинский: «В греческом номоканоне вовсе нет того, чтобы дела гражданские и преступления уголовные, которые предоставляются нашими уставами (Владимира и Ярослава) суду митрополита и епископов, предоставлялись суду последних»¹⁴; правда, он видел в этом противоречии свидетельство подложности уставов.

Украинский историк церковного права А. И. Лотоцкий справедливо считал, что различие норм свидетельствует о сознательной замене «жестокое» уголовного права греческого номоканона местной системой выкупов и вир. Он видел в упоминании в первой статье устава митрополита Илариона путь к объяснению возникновения этого памятника. Замена одной системы права другой была «шагом большого значения, требовавшим большой и смелой инициативы. Едва ли на такой шаг отважился и такую инициативу проявил какой-либо митрополит из греков, ибо греческие иерархи были тесно связаны со своими церковными кодексами»¹⁵.

Важные сведения для понимания характера акта содержатся в первой статье устава. Здесь говорится, что устав был принят в результате соглашения между князем Ярославом и митрополитом Иларионом, т. е. в течение недолгого пребывания Илариона на кафедре, в 1051—1053 гг., не позже февраля 1054 г., когда умер Ярослав. Такое хронологическое уточ-

¹³ К. А. Неволин. Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1859, стр. 300—301.

¹⁴ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 405.

¹⁵ О. Лотоцкий. Українські джерела церковного права. Варшава, 1931, стр. 252.

нение возникновения памятника, который я отношу к XI в., вполне реально. Но что дает это уточнение для определения причин его возникновения? Почему устав был принят Ярославом (который, как говорил о нем Иларион лежащему в гробу Владимиру, «не рушаща твоихъ уставъ, нъ утвержающе») именно с Иларионом, а не с другим митрополитом, например не с греком Феопемптом? Вслед за Лотоцким я считаю, что здесь имело значение содержание судебного, который мог быть утвержден тогда, когда на кафедре сидел не грек, а местный деятель церкви.

Для определения того, насколько указанное различие древнерусской и византийской систем церковного права было осознано в Киеве в середине XI в. и какое значение придавалось там принятию устава, важно правильно понять формулу «сложил есмь греческий номоканун». Исследователи не дали ее специального толкования, а между тем она его заслуживает. Эта формула находилась уже в архетипе устава, ибо входит во все древние его обработки и принадлежит его первоначальному тексту. В некоторых поздних текстах, например в Основном и зависящих от него изводах Пространной редакции конца XIV—XV в., перфект единственного числа изменен на аорист множественного: «сложихом греческий номоканун». В поздних списках и обработках формула «сложил есмь» изменяется, писцы и редакторы стремятся показать, что устав составлен в соответствии с номоканоном. Так, в некоторых списках XVI—XVII вв. эта формула изменена на «разложил есмь», т. е. раскрыл греческий номоканон, чтобы в соответствии с ним составить устав. В Архивном изводе формула опущена совсем, а в Маркеловском пропущены слова «греческий номоканон». В Устюжской редакции начала XVI в. формула изменена в «сложил есми со греческим манакануном», т. е. сверил с номоканоном, привел в соответствие с ним. Н. М. Карамзин внес это чтение в свое издание устава, понимая формулу как выражение соответствия устава номоканону, и оказал влияние на многих последующих исследователей памятника.

Каково же первоначальное значение формулы «сложил есмь греческий номоканун», восходящей к акту 1051—1053 гг.? Глагол «сложить» без предлога имел в древнерусском языке два основных и, очевидно, первоначальных значения¹⁶. Первое: *составить, сотворить* — например, составить выписки из книг, установить мир, прекратив войну; создать животное; предпринять поход; второе: *снять* — например, снять груз с плеча, идиоматическое выражение «сложить голову», т. е. потерять ее, и производное от значения снять: *отменить, отвергнуть, отказаться от чего* — например, отменить дани, снять вину, снять сором, отвергнуть целование. Это значение появляется очень рано, в переводных памятниках киевского времени, распространено оно и позже (сложить — отвергнуть дань, пошлины, ясак, оброк, таможеню и пр.).

Что же сделали Ярослав вместе с Иларионом: составили греческий номоканон или отвергли его? В славянской письменности известны правила епитимийного характера, которые носили название «номокануна». Некоторые из них, содержавшие нормы, далекие от канонических, в устах хранителей чистоты византийского православия на Руси презрительно назывались «худыми номоканунцами»¹⁷. Нужно признать, что устав князя Ярослава, с этой точки зрения, был своего рода худым номоканунцем, ибо содержал нормы, противоречившие соборным правилам. Однако два обстоятельства мешают видеть здесь в словах «сложил есмь» первое значение этого термина. Номоканон — памятник не только гражданского, но и церковного права; епитимийные же номокануны, в том числе и худые, во-

¹⁶ См. материалы картотеки словаря древнерусского языка XI—XIV вв. в Институте русского языка АН СССР в Москве.

¹⁷ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. 412—415.

обще не связаны со светской государственной властью. Кроме того, в уставе сказано «сложил есмь *греческий* номоканон». Греческий номоканон — кормчая книга, в XI в. — это кормчая в XIV титулах без толкований, известная на Руси при Ярославе и сохранившаяся, как было сказано, в древнерусских списках XII в. и более позднего времени. Естественно, нельзя видеть в этих словах утверждения князя о составлении им *греческой* кормчей книги. Для понятия «перевел» существовали другие термины: преложи, переведе.

Сказанное выше позволяет предположить в загадочной формуле второе значение слова «сложил» и переводить ее как «отверг греческий номоканон», сколь ни кажется такое понимание неожиданным, а подобное заявление от имени князя и митрополита невероятным.

Если это так, устав князя Ярослава становится важнейшим источником не только для изучения истории древнерусского права Древней Руси вообще, но и для понимания событий начала 50-х годов XI в. и для характеристики Илариона как политического деятеля. В дискуссии о причинах его поставления и о его политических взглядах, которая ведется в настоящее время в науке ¹⁸, этот материал не может быть обойден.

Акт 1051—1053 гг. был отменен, очевидно, сразу после смерти Ярослава и ухода митрополита Илариона, с появлением в Киеве нового митрополита-грека. Сменивший Илариона Ефрем, носитель придворного титула *протопроедр протосинкеллов*, придя в Киев, заново освятил Софийский кафедральный собор. Возможно, как предполагает А. Поппе, это было сделано именно в связи с деятельностью в нем не признанного Константинополем прежнего митрополита ¹⁹. Ефрему наследовал другой грек, митрополит Георгий-синкелл.

Естественно, что влияние византийских правовых норм на древнерусские нормы, начавшееся еще с первого знакомства Руси с византийским христианством и получившее особый стимул с учреждением церковной организации, пробивало себе дорогу. Древнерусские иерархи митрополит-грек Иоанн II в конце XI в., новгородский епископ-грек Нифонт в середине XII в. проводят византийские канонические нормы в жизнь ²⁰. Ряд норм права развода из Прохирона появляется в переработке самого устава Ярослава конца XII в. — его Пространной редакции ²¹.

Акт 1051—1053 гг. оказался всего лишь эпизодом в истории церковного права на Руси, но его появление не случайно. Экономическое и политическое развитие Руси привело к возникновению раннего классового общества, шедшего по пути феодализации, к созданию государства, соответствующего уровню этого общества, к необходимости централизации языческих культов, а затем и замене их христианским. Принятие христианства сделало возможным широкое проникновение на Русь христианской культуры, идеологии, религиозной догматики, институтов и пр. Древнерусское государство стало составной частью христианского средневекового мира Европы и Передней Азии, укрепляло этот мир в меру своих возможностей и расширяло его, используя свои дружины, миссионеров и книги.

Однако, как и каждое варварское общество, самостоятельно выросшее и создавшее свое государство и право, свою религиозную систему, свою раннеклассовую цивилизацию, еще бесписьменную и дохристианскую, Древняя Русь сохранила многое из основ этой цивилизации и тогда, когда

¹⁸ D. Obolensky. Byzantium, Kiev and Moscow: a Study in Ecclesiastical Relations. — DOP, XI, 1957; L. Müller. Op. cit., S. 1—32; Н. Н. Розов. Указ. соч., стр. 150; Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 80—86; А. Поппе. Op. cit., стр. 130—151.

¹⁹ А. Поппе. Op. cit., стр. 150.

²⁰ «Русская историческая библиотека», т. VI, изд. 2. СПб., 1906, № 1 и 2, стб. 1—62.

²¹ Я. Н. Шапов. Новый памятник русского права XV в. (Запись «о разлучении»). — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 377—378.

стала членом христианского мира, оказалась политически, идеологически и матримониально тесно связанной с Западом и Югом, когда в Киеве на митрополичьей кафедре сидели греческие дипломаты, носившие высшие титулы византийского императорского двора.

При изучении византийского наследия на Руси в XI—XII вв. можно выделить две большие группы явлений. Одни из них, которые появились на Руси в результате христианизации и не имели древних местных корней (например, строительство каменных храмов, иконописание, книжное искусство, производство стекла, литургика и многое другое), при наличии соответствующих условий переносились в готовом виде и лишь постепенно, в течение первых десятилетий и столетий, в процессе приспособления к местным условиям, изменяли свой характер. Другие явления и институты, выросшие на Руси самостоятельно как результат местной эволюции и оказавшиеся стадияльными современниками христианских принципов, при столкновении двух систем, древнерусской и византийской, в XI—XII вв. одерживали победу, хотя и приобретали новую, христианскую сущность. Здесь можно назвать и такой мелкий факт, как сохранение на Руси древнеславянского языческого мартовского начала года и календаря ²², и такие более крупные, как приспособление неизвестной в Византии языческой государственной системы обеспечения культа десятиной к христианскому культу ²³, как возникновение на Руси особой сложной религиозной формы философии и догматики, именуемой в науке двоеверием. К этой группе явлений нужно отнести и возникновение особого древнерусского церковного права, отличающегося как от христианского византийского, так и от языческого славянского.

Те большие успехи в усвоении и развитии христианской культуры на Руси, на которые с удивлением обращали внимание старые исследователи, были возможны, очевидно, именно потому, что многое в них базировалось на твердых местных основах, не отброшенных, а органически вошедших в XI в. в христианскую культуру этой страны.

²² Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 9.

²³ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 315—326.